

gemeinsam ist, trägt nicht immer dieselben Lautwerte für alle, die sie benutzen. Als der Autor dieser Zeilen Finnisch lernte, wurde ihm erklärt, sein *a* sei «zu hell», das richtige finnische *a* liege «weiter hinten». Er hatte nämlich beim Lesen des finnischen Textes das estnische *a* ausgesprochen. Als er später Ungarisch lernte, wurde ihm klar, daß auch hier das estnische *a* nicht zu gebrauchen war: Das lange ungarische *a*, z. B. in *három*, wird im Schriftbild als *a* anerkannt, aber noch weiter vorne artikuliert und nähert sich schon dem estnischen *ä*. Wäre es nicht interessant, diese Qualitätsunterschiede zwischen den drei Kultursprachen zu untersuchen und irgendwie zu fixieren? Als der Ungar Munkácsi seine mansischen Texte aufnahm, welchen Lautwert hatte dann sein *a*, dem er diakritische Zeichen anhängte? Und wie war denn der «Grundvokal» bei dem Finnen Kannisto? Manche Autoren geben in ihren Einleitungen annähernde Vergleiche an, z. B. stützt E. Itkonen (Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt, Helsinki 1939) seine Erklärungen auf finnische Werte: *a* ähnelt dem finnischen *a* usw. K. Bergsland, *Samisk grammatikk med øvelsesstykker*, Oslo 1961, sucht lautliche Vergleiche aus dem Skandinavischen und Englischen usw. Wäre es aber nicht nützlich, die Lautwerte der finnisch-ugrischen Kultursprachen in einem Schema anzuordnen, das dem Forscher erlauben würde, die Sprache, die er studiert, sofort phonetisch zu «situierten», zu wissen, daß das estnische *a* weiter vorne artikuliert wird als das finnische *a* und daß der entsprechende Vokal in bestimmten Dialekten zwischen den beiden zu suchen ist? Das phonetische Diagramm von Daniel Jones¹⁵ würde sich auch für diesen Zweck eignen.

Alle Versuche, die Transkription auf irgendeine Weise zu vereinfachen, sind zweifellos lobenswert. Viel dringender wäre es aber, in dem schon Vorhandenen aufzuräumen und der in der augenblicklichen Lage der Dinge unvermeidlichen Willkür Grenzen zu ziehen. Denn solange jeder Forscher die Texte auf seine Art und nach seinen Möglichkeiten interpretieren und wiedergeben muß, können wir gar nicht hoffen, aus der jetzigen Unordnung herauszukommen. Mit neuen Schulen und neuen Methoden drohen eher noch neue Gefahren: die Phonologen haben ja auch schon ihre eigene Transkription!

¹⁵ D. Jones. *The Phoneme: Its Nature and Use*, Cambridge 1950, s. Kap. II: *Phonetic transcription*.

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.1.09>

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

О ЛАТИНИЗАЦИИ МАРИЙСКОГО АЛФАВИТА

Вопросы графики и орфографии в истории марийского литературного языка всегда занимали важное место. Но особенную остроту они приобрели на начальном этапе его развития в 1921—1937 годах. В это время борьба за создание марийского алфавита не раз меняла свое основное направление. Одной из крайностей была так называемая латинизация марийского алфавита.

Движение за латинизацию алфавита, разумеется, не составило эпохи в развитии марийской письменности. Это был лишь один из эпизодов ее нелегкого пути. В то же время было бы неправильно считать его совершенно бессмысленным начинанием. Порой исследователи забывают обстановку, в которой возникло и развилось это движение, ищут не существующие причины и на их основе нередко готовы рассматривать этот эпизод как ошибочное представление о путях развития марийского литературного языка. Между тем это была лишь одна из форм борьбы за создание литературного языка.

Вопрос о латинизации алфавита считался тогда одним из важных не только в марийском языкознании. В 20-е и в первой половине 30-х годов нашего столетия он широко обсуждался во всесоюзном масштабе, возникнув прежде всего в связи с проблемой замены арабского письма для тюркских языков. Сначала вопрос обсуждался

главным образом только в отношении тюркских языков, но с 1929 года он затрагивает почти все языки народов Советского Союза.¹

В начале 30-х годов серьезное внимание уделялось проблеме латинизации алфавита марийского языка, пользовавшегося тогда алфавитом, созданным на основе русской графики. Дело это для марийского языкознания было новым, но и не совершенно неожиданным. Отдельные высказывания в пользу латинизации делались и ранее. В 1925 году этот вопрос был поднят на II Всемарийском съезде работников просвещения, состоявшемся в Москве. Однако большинство съезда высказалось против латинизации. Основной причиной этого отказа Г. Г. Кармазин, докладчик по вопросам марийской орфографии, назвал трудность приспособления его к марийскому языку.² Однако данный вопрос был снят с повестки дня не надолго. В 1930 году обсуждение его возобновилось.

Можно считать, что формально возвращение марийских ученых к вопросу о латинизации обусловлено распространением латинизации, помимо тюркских, на языки других нерусских народов СССР. Однако при более подробном исследовании проблемы можно убедиться в том, что возвращение к этому вопросу было неслучайным и имело более глубокие причины.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что 20-е годы для марийского языкового строительства были примерно тем же, что «петровская эпоха» для русского языкознания. В это время велись многочисленные дискуссии и споры по вопросам орфографии и алфавита. В этот период культурного строительства нередко решительно отрицалось все, что было создано до революции. Такая тенденция коснулась и вопроса о марийской письменности, так как существовавший алфавит марийского языка представлял собой результат деятельности миссионеров эпохи царизма. Он был разработан в 70-х годах прошлого столетия переводческой комиссией так наз. братства Св. Гурия в Казани. Особое негодование революционной марийской интеллигенции вызывало то обстоятельство, что он был создан церковниками как орудие уничтожения марийского народа путем использования его языка. Это неоднократно порождало у языковедов мысль о замене «миссионерской письменности», поэтому идея латинизации была ими подхвачена.

Определенное влияние финно-угорского языкознания у значительной части марийских лингвистов в тот период выражалось в стремлении использовать опыт языкового строительства родственных народов, в частности финского и эстонского. Это сыграло существенную роль в формировании основных направлений развития марийского литературного языка. В первое время это влияние не выходило за пределы вопросов обогащения лексического состава литературного языка, но с началом обсуждения вопроса о латинизации во всеоюзном масштабе оно коснулось и графики. Идея перехода на латинский алфавит неожиданно получила поддержку со стороны Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА), созданного для осуществления руководства введением нового алфавита для нерусских языков Советского Союза.

Инициатором и идейным руководителем движения за латинизацию марийского алфавита стал один из ведущих теоретиков марийской орфографии и графики Г. Г. Кармазин (1882—1943). В 1930 году он выступил со статьей, посвященной вопросам изменения марийского алфавита, где впервые высказал мысль о необходимости перевода марийской письменности на латинский шрифт.³ Статья вызвала много откликов. Представители марийской общественности, в том числе и языковеды, выступили на страницах газет и журналов с серией статей, посвященных этой проблеме.⁴ Вопрос о латини-

¹ Д. Коркмасов, Комитет нового алфавита на новом этапе. — Революция и письменность. Сборник № 2, Москва 1936, стр. 11—12.

² Йылме нерген марий туныктышын II-шо погынымаш мом каласен. — У йлыш, 1925, № 9, стр. 19—20.

³ Г. Кармазин, Марий алфавитым вашталтыме нерген. — Йошкар кече, 4 февраля 1930.

⁴ Д. Микшиев, Latin alfavit verc. — Марий ял, 13 февраля 1930; А. Пашаев, Уэмдаш гын, тун гычак уэмдаш. — Марий ял, 2 апреля 1931; К. Колесников,

зации заинтересовал и людей, далеких от лингвистики. Началось широкое обсуждение этого вопроса. Он являлся постоянным пунктом повесток дня различных съездов, собраний и научных сессий.

Г. Г. Кармазин составил первый проект нового латинизированного алфавита. В его основу был положен по сути дела не латинский алфавит, как утверждает сам автор, а скорее система знаков финно-угорской научной транскрипции. Автор так сформулировал основной принцип нового алфавита: 1) каждому звуку (фонеме — *И.И.*) должна соответствовать одна буква; 2) сходным по акустическим признакам должны соответствовать сходные по начертанию буквы: *o ~ ö, a ~ ā, i ~ j*.⁵ Проект придерживался принципа сохранения значений латинских букв в том виде, в каком они употребляются в европейских языках. Понятно, что создание без дополнительных знаков полного соответствия между ними и подготовленным для марийского языка алфавитом было невозможно, ибо фонемные составы этих языков имели значительные расхождения между собой. Поэтому Г. Г. Кармазин предложил ввести для марийского языка ряд дополнительных букв, созданных на базе имеющихся знаков.

*aa-āa, äa-āä, Bb-Bb, Vv-Vv, Gg-Gg, dd-dd, Zz-Zz, Zz-Zz, li-li, Jj-Jj, Kk-Kk,
Ll-le, Ll-le, Mm-Mm, Nn-Nn, Nn-Nn, ŋ-ŋ, Oo-Oo, Pp-Pp, Pp-Pp, Ss-Ss, li-li,
Uu-Uu, ūü-ūü, Cc-Cc, Šš-Šš, Cc-Cc, Əə-Əə, Əə-Əə, Ee-Ēē, fi-fi,
[Nn-ññ, Ċċ-Ċċ, İi-İi, dđ-dđ]*

Новый алфавит состоял из 35 букв, что почти соответствовало количеству фонем литературного языка. Таким образом, основное требование к алфавитам — максимально отражать фонемный состав языка — было выполнено.

Однако из этого отнюдь не следует, что проект был безупречным. Будучи в целом объективным отражением системы фонем марийского языка, он нуждался в совершенствовании и уточнениях. Так, в алфавит необоснованно были включены буквы *ç* (какуминальная аффриката, имеющаяся в некоторых говорах марийского языка), *ċ*, *đ*, *ə* (переднерядная редуцированная гласная), отсутствовавшие в литературном языке. Несмотря на это, он несколько точнее существующего алфавита передавал особенности марийской звуковой системы и после уточнения отдельных моментов в принципе мог бы быть принят для марийского языка.

Проект нового алфавита отражал также отношение автора к весьма актуальному в то время вопросу о так наз. заимствованных из русского языка звуках и буквах *ф, х, ц, щ*. Г. Г. Кармазин понимал, что не включить их в алфавит в период, когда марийский язык заимствовал много русских и интернациональных слов, невозможно. В то же время он еще находился под властью идеи создания «чистого» марийского языка, поэтому буквы *h, ċ, f, đ*, поместил в скобки, лишив тем самым их законности. В этом проявилась непоследовательность автора в соблюдении принципов, положенных в основу проекта.

Разработанный Г. Г. Кармазиным проект алфавита имел два варианта. Существенных различий между ними не было. Отличия в основном касались начертания прописных и строчных букв. Первый вариант предполагал абсолютно одинаковое начертание заглавных и строчных букв, различающихся только размерами (см. таблицу). Однако этот вариант предполагал, как и в других языках, значительные расхождения между их печатными и прописными формами. Во втором варианте печатные и прописные буквы не различались своим начертанием и были представлены в их прописной разновидности. Такое новшество, по мнению автора, способствовало упрощению чтения и

Ончык тошкалшаш манын шедгек тошкалшаш ынже лий. — Марий ял, 2 апреля 1931; Г. Кармазин, Латинизация марийского алфавита, — Туныктымо паша, 1930, № 6—7, стр. 70—76; П. Ланов, Молан ме латин алфавитыш савырнынена. — Марий коммунист, 25 марта 1931 и др.

⁵ Г. Кармазин, Латинизация марийского алфавита, стр. 75.

письма на марийском языке, облегчению усвоения письма учащимися, а также ускорению ликвидации неграмотности среди населения.

Вслед за опубликованием проекта Г. Г. Кармазина в местной печати появились предложения по улучшению его⁶, которые главным образом представляли собой дополнения и уточнения отдельных букв. Соглашаясь в основном с кармазинским проектом, они вносили в него ряд поправок, иногда даже принципиального характера. В частности, были возражения против введения букв с точками (ă, ŷ и т. д.), затрудняющих якобы понимание смысла и быстроту письма. Предполагалось заменить их другими, например, э вместо ă, у вместо ŷ и т. д.⁷ Были высказывания и в пользу сохранения различного написания заглавных и строчных букв, как это принято во всех других языках. Несомненно, проект Г. Г. Кармазина нуждался в улучшении, однако отнюдь не в этом направлении, как указывал, например, К. Колесников, которое только отдаляло новый алфавит от латинского.

С целью создания идеального алфавита газеты «Йошкар кече» и «Марий ял» пытались сконцентрировать вокруг себя научные и творческие силы. Их поддержали и некоторые другие творческие учреждения. На собраниях своих коллективов они принимали решения в поддержку латинизации. Например, состоявшееся в феврале 1931 года собрание актива Центрального издательства настойчиво подчеркивало необходимость форсирования работы по латинизации марийского алфавита.⁸ На следующий год движение приобрело широкий размах. Это поставило перед марийским языкознанием конкретную задачу — в ближайшие годы полностью осуществить перевод письменности на латинский алфавит. Для начала было предложено издать с экспериментальной целью несколько книг, напечатанных латинским шрифтом, и на их основе развернуть широкую дискуссию о приемлемости созданного алфавита.⁹ Однако это перспективное решение, имевшее под собой вполне реальную почву, осталось не осуществленным. К 1933 году движение за латинизацию в марийском языкознании начинает постепенно затухать. Инициатива свертывания его исходила от областных руководящих органов. В 1932 году на совещании языковедов у секретаря областного комитета партии было принято решение прекратить дальнейшую борьбу за латинизацию как не представляющую «практической необходимости и целесообразности».¹⁰

Естественно, возникает вопрос: была ли необходимость перевода марийского языка на латинский алфавит в начале 30-х годов?

Эту необходимость сторонники латинизации мотивировали следующим образом:

1. Латинский алфавит нужен для осуществления единообразия письма интернациональных слов. Это способствует взаимопониманию народов и сближению языков.
2. Облегчает изучение иностранных языков.
3. Русский алфавит менее соответствует марийскому языку и не может точно передать его фонемный состав.
4. Латинские буквы не трудны для письма и легче читаются.¹¹

Аргументы, как видно, довольно шатки и наивны. Результат выработки системы письма, в частности для марийского языка, думается, не зависит от того, какой алфавит послужит ее основой. И латинский, и русский алфавиты, как известно, без дополнительных знаков не в состоянии передать фонемный состав марийского языка. Следовательно, в принципе и тот и другой с одинаковым успехом могли бы быть использованы для создания марийского алфавита. С этой точки зрения особой необходимости, вытекающей из самой природы языка, для замены действующего алфавита не было. Нет достаточного основания также утверждать, что в начале 30-х годов была острая необходимость замены и с точки зрения графики, поскольку к этому времени марийская графика уже успела приобрести определенную традицию ис-

⁶ К. Колесников, указ. раб.; А. Акрейн, Марий алфавитым латинлыман. — Марий ял, 2 апреля 1931.

⁷ К. Колесников, указ. раб.

⁸ Марий алфавит латинлыман пашам кожгатыман. — Марий ял, 2 апреля 1931.

⁹ Там же.

¹⁰ Центральный государственный архив Марийской АССР, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 94, стр. 140.

¹¹ Г. Кармазин, Марий алфавитым вашталтыме нерген; П. Ланов, указ. раб.

пользования. Тем не менее вопрос о латинизации возник не без основания. Переход на латинский алфавит стал бы для марийского языка определенным шагом вперед. Он создал бы достаточно благоприятные условия для положительного решения бесконечных споров по вопросам марийской орфографии. Следует отдать должное и тем, кто утверждал о большей приспособленности для марийского языка латинского алфавита. В нем, учитывая его западноевропейские варианты, имеются все буквы для обозначения фонем марийского языка, кроме *ч, л, ъ, ѓ*. Хотя этот довод в какой-то степени (отнюдь не полностью) опровергает опыт создания письменности для марийского языка миссионерами и продолжение его календаревцами¹², тем не менее совершенно отбросить его было бы несправедливо.

Кроме того, постановка вопроса о латинизации в марийском языкознании была вызвана исторической обстановкой; остаться в стороне от общего направления развития графики того периода было, очевидно, практически невозможно.

Накопец, попытка латинизации дала определенный толчок для появления новых теоретических положений в связи с унификацией марийской орфографии.

В марийском языкознании движение за латинизацию не успело принять такого размаха, как в отношении тюркских языков, и просуществовало немногим более двух лет. Перевод на латинский шрифт не был осуществлен. Движение фактически ограничилось проектами, дискуссиями и несколькими образцами письма, напечатанными в газетах. Хотя латинизация осталась лишь эпизодом языкового строительства, ее никак нельзя вычеркнуть из истории развития марийской письменности.

¹² Календаревцами мы называем создателей и издателей календаря «Марла календарь», вышедшего в Казани в 1907—1913 годах.

А. А. Саваткова, Русские заимствования в марийском языке, Йошкар-Ола 1969. 129 стр.

В последние годы марийское языкознание пополнилось рядом новых исследований. Среди них несомненный интерес для финно-угроведов представляет рецензируемая работа, в которой дан подробный анализ слов, заимствованных марийцами из русского языка. Изучением тюркских заимствований марийского лексикона ученые занимались и ранее, исследование русского вклада в марийский язык началось сравнительно недавно.

Рецензируемая книга представляет собой первую более или менее подробную и систематическую работу в этой области, содержащую богатый фактический материал. Ее автор занималась проблемой заимствования уже продолжительное время, в 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Русские заимствования в горном наречии марийского языка».

Материалом для данной работы послужили наблюдения автора почти во всех республиках и областях, где проживают марийцы. Используются материалы из рукописных фондов Государственной

публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Марийского научно-исследовательского института, а также сведения по истории северновеликорусских и средневеликорусских говоров. А. А. Саваткова поставила перед собой задачу выявить, какие слова из русского языка заимствованы изустно, какие фонетические, морфологические изменения и семантические сдвиги произошли с ними в марийском языке.

Книга состоит из введения и трех глав; в приложении даны список русских заимствований и библиография.

Во введении (стр. 3—13) рассказывается о благотворном влиянии многовековой связи марийского и русского народов, дан обзор ранних изданий, в той или иной мере отражающих словарный состав марийского языка, в том числе и русские заимствования. Здесь же сделана попытка среди заимствований выделить более ранние (дооктябрьские) и поздние (послеоктябрьские), однако критерии этого деления, а также определения русских слов, проникших в марийский язык через